

УДК 904

Т.В. Лобанова¹, О.В. Кардаш²¹Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 320144, Россия
E-mail: lota_64@mail.ru²Институт археологии Севера
а/я 398, Нефтеюганск, 628310, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ, БЫТОВЫЕ И РИТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУЙСКОГО МЫСОВОГО ГОРОДКА (по результатам анализа археозоологической коллекции)

В статье публикуются результаты исследования костных остатков животных из Полуйского мысового городка конца XVI – начала XVIII в. (раскопки 2004–2005 гг.). Определены 20 видов домашних и диких млекопитающих, 22 – птиц, 11 – рыб. Анализируются состав элементов скелета, раздробленность костей, способы разделки туш животных, употреблявшихся в пищу. На основании анализа видового состава промысловых животных охарактеризована охотничья деятельность населения, сделаны выводы о сезонном характере функционирования городка. Описаны ритуальные практики жителей, связанные с использованием животных.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, Полуйский мысовой городок, князя Тайшины, археозоология, историческая экология.

Введение

В последнее время изучается довольно много северных памятников с мерзлым культурным слоем (Надымский городок, городища Бухта Находка, Усть-Войкарское, Мангазея и др.), где костные остатки животных составляют одну из наиболее многочисленных категорий находок [Лобанова, 2003; Косинцев, Лобанова, 2005; Кардаш, Лобанова, 2008; и др.]. Изучение этого массового материала – одна из важнейших задач археологических исследований. Во-первых, потому что он отражает особенности питания местных жителей, основу рациона которых составляют животные продукты, и от их наличия напрямую зависит возможность выживания в суровых северных условиях. Во-вторых, костные остатки являются таким же свидетельством практически всех аспектов жизнедеятельности населения, как и вещевой комплекс.

Исследование Полуйского мысового городка – часть большой работы по изучению и реконструкции хозяйства, быта, религии древних обитателей Северо-Западной Сибири. Ее первый этап отражен в книге «Историческая экология населения севера Западной Сибири» [2013]. Подобные работы ведутся и на других памятниках, но для достижения вышеозначенной цели необходим сравнительный анализ археологических материалов по всем видам источников и аспектам.

Цель настоящей публикации – представление биологических данных, полученных в результате изучения и анализа археозоологической коллекции из Полуйского мысового городка, в историко-археологическом контексте. На их основе предпринята попытка более детального раскрытия бытовых, промысловых хозяйственных и ритуальных аспектов жизнедеятельности населения городка, которые невозможно воссоздать только с использованием вещевого комплекса и иных артефактов.

Объект исследований

Полуйский мысовой городок находится в черте г. Салехарда на правом коренном берегу р. Полуй (66° 32' с. ш., 66° 34' в. д.) (рис. 1). Археологические работы в 2004–2005 гг. проводились комплексной научно-исследовательской экспедицией Научно-производственного объединения «Северная археология» под руководством О.В. Кардаша с привлечением специалистов Института экологии растений и животных (ИЭРиЖ) УрО РАН. При раскопках вскрыты археологические слои нескольких разновременных поселенческих комплексов середины I – III тыс. н.э. Отложения раннего железного века были перекрыты слоями Полуйского мысового городка конца XVI – начала XVIII в. и села Обдорского XVIII–XIX вв. Они не отделены друг от друга какими бы то ни было стерильными прослойками и иногда перемешаны.

В процессе раскопок 2004–2005 гг. проводился сбор образцов для дальнейшего их лабораторного анализа. Определение и описание костных остатков осуществлялось на основе эталонной коллекции зоологического музея ИЭРиЖ УрО РАН. Определения костей птиц выполнены научным сотрудником А.Е. Некрасовым; рыб – канд. ист. наук Д.О. Плахутой.

Планировочная структура Полуйского мысового городка сформирована на площадке мысообразного выступа террасы правого коренного берега р. Полуй (рис. 2). На северо-западной оконечности мыса размещался оборонительно-жилой комплекс, включавший четыре жилых дома (к ним относятся постройки 1–3). К юго-востоку от этого места проживания вождя, его семьи и родственников находились хаотично расположенные строения. Они представляли собой некий посад, не имевший каких-либо оборонительных укреплений. В общей сложности во всех раскопках выявлены остатки 11 жилых домов (рис. 3). Кроме того, на южной окраине городка находилась площадка, сформированная из слоя щепы. По ряду причин мы называем ее ритуальной.

Описание археозоологической коллекции

Археозоологическая коллекция состоит из 14 002 экз. (табл. 1). Помимо приведенных в табл. 1 костных остатков, на памятнике были обнаружены четыре кости грызунов, четыре фрагмента костей человека, а также четыре фрагмента бивня мамонта со следами обработки. Все бивни имеют плейстоценовый тип фоссилизации и были принесены жителями городка, вероятно, для изготовления поделок.

Кости млекопитающих наиболее многочисленны и составляют 80 % от общего количества костных остатков. Определенные кости принадлежат как диким,



Рис. 1. Расположение Полуйского мысового городка.

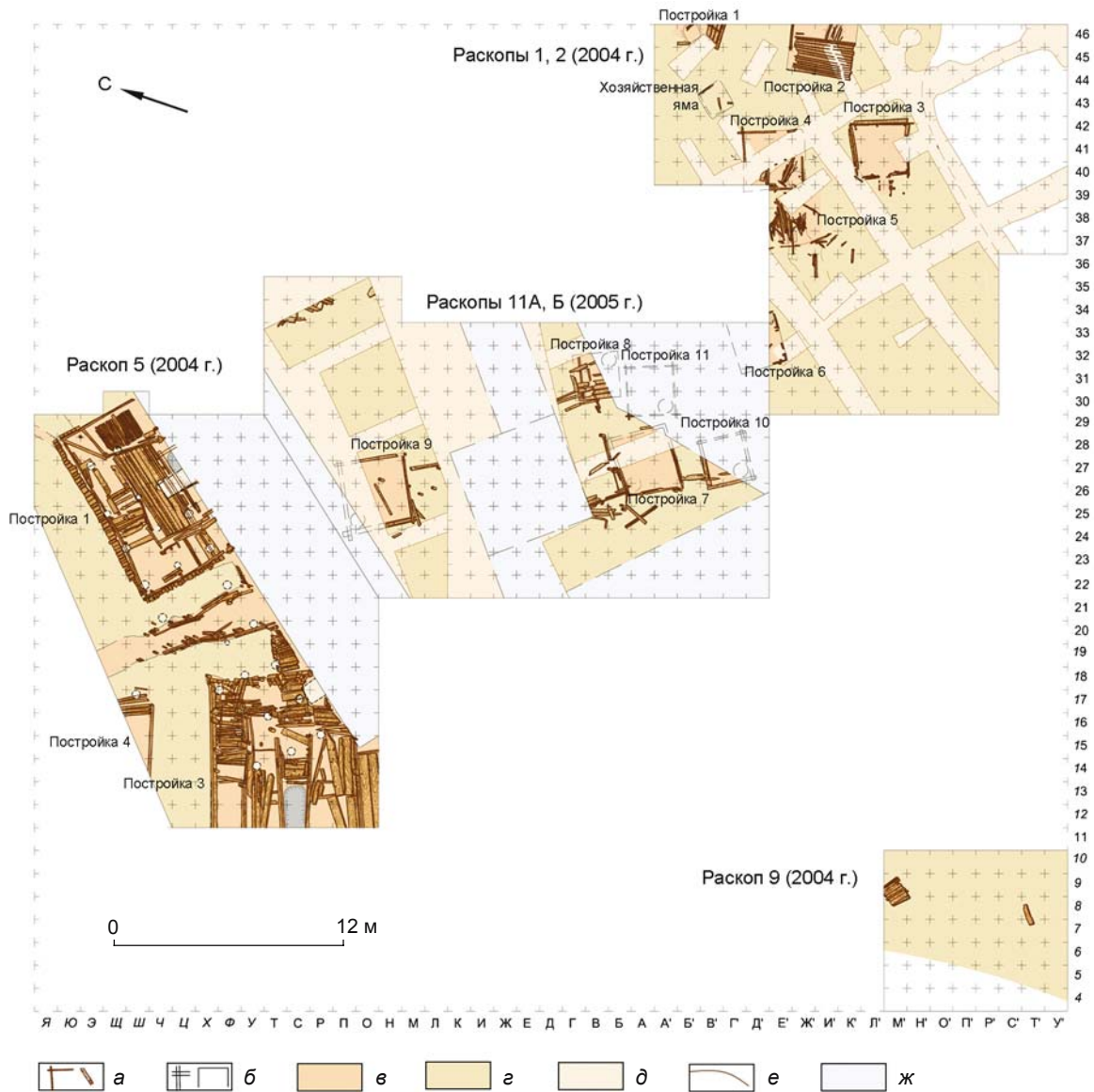
так и домашним животным 20 видов. Часть костных остатков млекопитающих (1 343 экз.) не удалось определить до вида, но можно сказать, что лишь 3 % из них принадлежит мелким животным (зайцу, песцу?), а ок. 95 % – крупным, предположительно северному оленю.

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Костей крупного рогатого скота довольно много в верхних слоях памятника, идентифицируемых нами со слоями села Обдорского. Непосредственно к слоям Полуйского мысового городка можно отнести лишь три кости коровы. Это два фрагмента таза (из постройки 7) и одна лопатка со следом от наконечника стрелы (из постройки 3).

Мелкий рогатый скот (*Ovis aries* и *Capra hircus*). В материалах из раскопок 2004–2005 гг. он представлен единственной находкой – фрагментом нижней челюсти молодого животного, обнаруженным на периферии городка.

Свинья (*Sus scrofa domestica*). Количество костей животных этого вида невелико. Они найдены как в посадской части городка, так и в оборонительно-жилом комплексе, но преимущественно в наиболее поздних слоях начала XVIII в. Представлены все элементы скелета (табл. 2). Шесть костей принадлежат молодым животным, одна – новорожденному.

Собака (*Canis familiaris*). На территории городка обнаружены костные остатки, как минимум, 18 особей. Большинство костей (76 %) находилось в посадской части поселения (см. табл. 1). В раскопках 1, 2 были найдены два почти полных скелета (в анатомическом порядке) взрослых особей с сохранившимися остатками шерсти и один молодого



▲ *Рис. 2.* Планировочная структура Полуйского мысового городка по материалам раскопок 2004–2005 гг. *а* – остатки деревянных конструкций; *б* – реконструированные границы построек; *в* – пространство построек; *г* – культурный слой конца XVI – XVII в. в межжилищном пространстве; *д* – переотложенный культурный слой кладбища XIX в. и траншей фундамента речного вокзала XX в.; *е* – граница мерзлого культурного слоя посада; *ж* – подвальное помещение здания речного порта, коммуникации, здания ансамбля «Город мастеров».

◀ *Рис. 3.* Остатки постройки 1 оборонительно-жилого комплекса в мерзлом культурном слое. Вид с юго-запада. Фото 2004 г.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков в различных объектах
Полуйского мысового городка

Таксон	Оборонительно-жилой комплекс			Посад			
	Постройка 1	Постройка 3	Межжилищ- ное про- странство	Раскоп 2004 г.	Постройка 7	Постройка 9	Раскоп 2005 г.
Крупный рогатый скот	–	1	–	–	2	–	–
Мелкий рогатый скот	–	–	–	1	–	–	–
Свинья	5	–	–	12	–	–	7
Собака	8 +1 ск.	15	18	41 + 4 ск.	9	–	67 + 1 ск.
Северный олень	1 082	751	1 121	2 133	133	34	1 857
Лось	1	–	5	9	2	–	7
Песец	491	32	85	235	31	3	153
Лисица	9	–	–	2	–	1	7
Волк	1	–	1	6	1	–	13
Бурый медведь	–	–	–	–	–	–	1
Росомаха	8	–	13	8	5	–	13
Соболь	–	–	–	2	–	–	4
Горностай	7	3	–	1	–	–	–
Заяц-беляк	625 + 54 л.	32	53 + 2 л.	211	68	1	360
Бобр	5	2	–	11	1	–	3
Белка	–	–	–	2	–	–	–
Нерпа	–	–	1	–	–	–	–
Морж	1	–	–	–	2	–	–
Белуха	–	1	–	2	–	–	1
Гренладский кит	2	–	–	–	–	–	1
Неопределимые млекопитающие	335	169	142	227	21	11	438
Птицы	159	11	137	229	32	1	431
Рыбы	304	45	–	408	12	–	929

Примечания: ск. – полный скелет или его фрагмент, л. – целая задняя или передняя лапка.

Таблица 2. Состав элементов скелета немногочисленных видов млекопитающих

Элемент	Свинья	Собака	Лось	Волк	Лисица	Соболь	Росома- ха	Горно- стай	Бобр
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Рог	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Зуб	5	2	2	1	1	–	3	–	2
Череп	2	11	3	1	1	1	8	4	
Нижняя челюсть	2	16	2	1	4	1	6	1	2
Атлант	–	2	–	–	–	–	3	–	–
Эпистрофей	–	2	–	1	–	–	–	–	–
Позвонки	1	10	1	–	3	–	1	–	–
Грудина	–	2	–	–	–	–	–	–	–
Ключица	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ребра	2	23	7	–	–	–	3	3*	1
Лопатка	2	8	–	–	1	–	2	1*	–

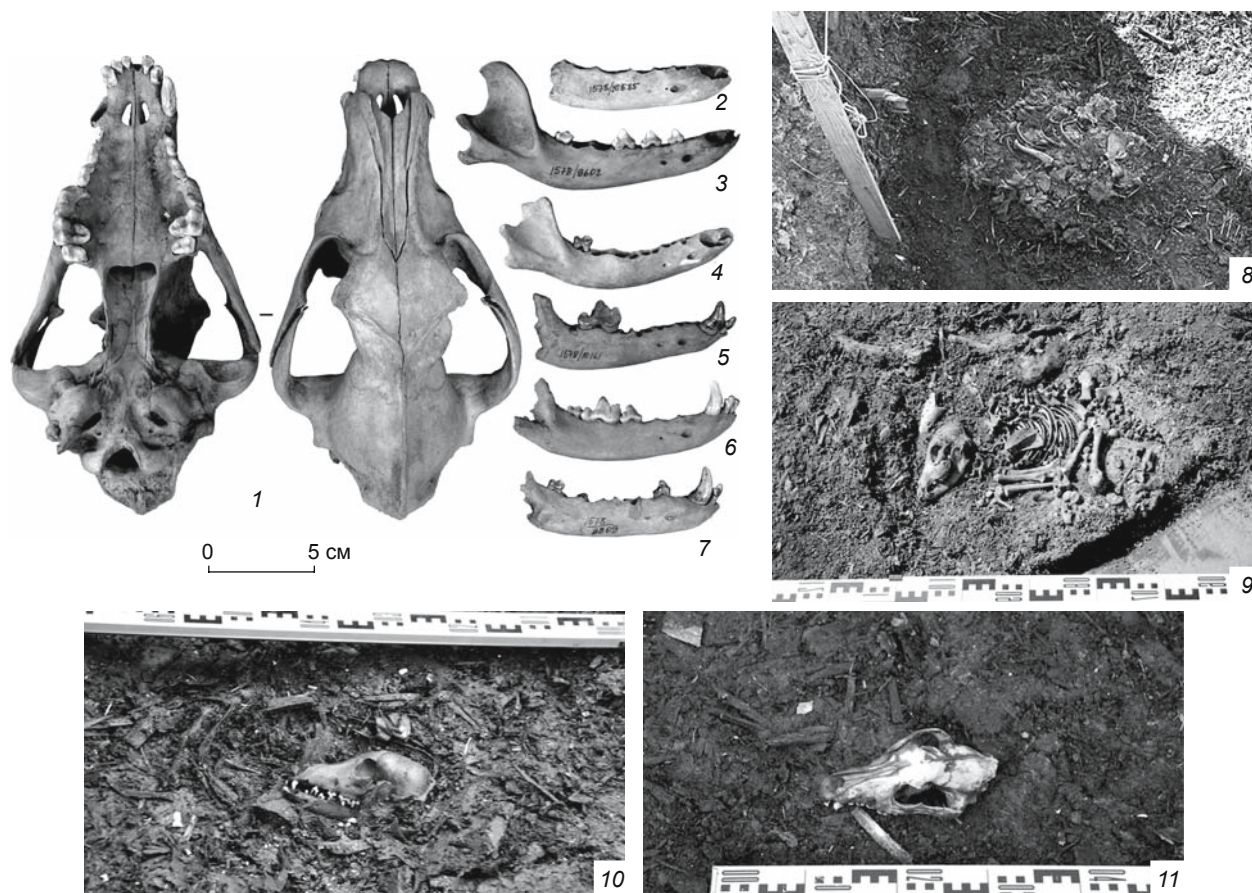
Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Таз	–	8	1	–	–	1	3	–	–
Плечевая	1	14	1	–	1	–	2	1	6
Локтевая	–	10	–	1	–	–	1	–	2
Лучевая	–	16	1	1	–	1	–	–	1
Бедренная	1	4	2	–	2	1	–	–	4
Большеберцовая	3	15	–	1	1	1	2	1	1
Малая берцовая	1	2	–	–	1	–	2	–	–
Метаподии	3	9	1	5*	4	–	6	–	–
Пяточная	–	1	–	2	–	–	–	–	–
Таранная	–	–	–	2	1	–	5	–	11**
Запястье, предплюсна	–	–	–	3*	–	–	–	–	–
Фаланга 1	–	1	1	3*	–	–	–	–	–
Фаланга 2	–	1	1	–	–	–	–	–	–
Фаланга 3	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Скелет***	–	6	–	–	–	–	–	–	–

*Кости принадлежат одной особи.

**Изделия.

***Включая фрагменты скелетов одной особи.

Рис. 4. Костные остатки собак (*Canis familiaris*).

1 – череп взрослой особи; 2–7 – нижние челюсти; 8, 9 – ритуальные захоронения собак; 10, 11 – черепы взрослых особей в культурном слое.

животного (рис. 4, 8, 9). Очевидно, что эти собаки были специально захоронены и, вероятно, в ритуальных целях. Кроме того, обнаружены остатки еще нескольких скелетов собак, преимущественно в посадской части городка, но интерпретировать происхождение этих захоронений труднее. Среди одиночных костей представлены все элементы скелета (табл. 2), относительно много целых или почти целых черепов и нижних челюстей. В раскопе 11Б найдены три целых черепа собак крупных размеров, в т.ч. один с нижней челюстью (рис. 4, 10, 11). В раскопе 11А помимо костей осевого скелета и ног находились шесть нижних челюстей (рис. 4, 2–7), принадлежащих более мелким особям. В постройке 7 обнаружены фрагмент черепа, две нижние челюсти разных животных, кости шеи, хвоста и передних лап молодой и взрослой особей, таз собаки с отметиной от броневой наконечника стрелы и следами погрызов (рис. 5, 9). Объяснить происхождение последней находки сейчас довольно сложно. Большая часть костей собак целые, наиболее раздроблены трубчатые, которые, как правило, представлены только диафизами или половиной кости с сохранившимся верхним или нижним эпифизом. Некоторые кости (25 экз.) погрызены. Двадцать костей принадлежали молодым особям и две новорожденным щенкам.

Северный олень (*Rangifer tarandus*). Кости животного этого вида составляют 63 % (7 111 экз.) от общего количества костных остатков млекопитающих, а с учетом неопределимых, но предположительно принадлежащих северному оленю, их удельный вес еще выше. Они многочисленны во всех объектах городка (см. табл. 1). Представлены, как минимум, 130 особей. Преобладают элементы наиболее мясных частей тела, лопатки, фрагменты таза и трубчатых костей ног составляют 50 % от общего числа костных остатков оленя (табл. 3). Мало позвонков и ребер. Около 12 % костных остатков приходится на долю элементов головы, но практически половина из них – обломки рогов. Треть фрагментов черепов (46 экз.) несут основания рогов, концы которых часто обрезаны или обрублены. В нескольких случаях рога и черепа погрызены собаками. Наиболее часто фрагменты черепов север-



Рис. 5. Кости со следами броневых наконечников стрел.

1–8, 10, 11 – кости северного оленя; 1, 4 – фрагменты тазовых костей, 2, 10 – рога, 3 – локтевая, 5 – обломок ребра, 6 – фрагмент черепа, 7, 8 – фрагменты трубчатых костей, 11 – таранная; 9 – тазовая кость собаки.

ного оленя встречаются в верхних горизонтах построек 1 и 3 оборонительно-жилого комплекса, а также на юго-восточной периферии посада.

Большая часть позвонков, ребер, эпифизов трубчатых костей, а также некоторые другие погрызены собаками (рис. 6, 18). Они составляют 10 % (744 экз.) от общего количества костных остатков оленя. Следы переваривания имеют 92 кости, большинство из них мелкие кости запястья и предплюсны, а также фаланги.

Большую часть костных остатков северного оленя, не несущих возрастных маркеров, мы относим к взрослым особям. Возраст животных можно определить по состоянию зубной системы [Акаевский, 1939]. Исследование фрагментов нижних челюстей (рис. 6, 1–6) показало, что 43 % из них принадлежит молодым особям (0,5–1,5 лет) и лишь 2,6 % – очень старым. Таким образом, почти половина забитых животных были

Таблица 3. Состав элементов скелета северного оленя, песца и зайца-беляка

Элемент	Северный олень		Песец				Заяц-беляк	
			Всего		В т.ч. постройка 1			
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Рог	408	5,8	–	–	–	–	–	–
Череп с рогами	46	0,7	–	–	–	–	–	–
Череп	92	1,3	112	11,1	58	12	80	5,7
Нижняя челюсть	227	3,2	217	21,4	54	11,1	79	5,6
Зуб	45	0,6	1	0,1	–	–	–	–
Подъязычная	16	0,2	–	–	–	–	–	–
Атлант	77	1,1	9	0,9	7	1,4	5	0,4
Эпистрофей	28	0,4	7	0,7	6	1,2	3	0,2
Позвонки	266	3,7	109	10,7	93	19,2	136	9,7
Грудина	21	0,3	–	0	–	0	5	0,4
Крестец	8	0,1	6	0,6	5	1	9	0,6
Ребра	789	11,2	86	8,5	56	11,5	204	14,5
Лопатка	622	8,9	39	3,8	17	3,5	105	7,5
Таз	163	2,3	28	2,8	10	2,1	78	5,5
Плечевая	738	10,5	91	9	43	8,9	77	5,5
Локтевая	140	2	22	2,2	7	1,4	47	3,3
Лучевая	498	7,1	43	4,2	17	3,5	67	4,8
Бедренная	573	8,2	52	5,1	22	4,5	136	9,7
Большеберцовая	774	11	60	5,9	16	3,3	182	12,9
Малая берцовая	–	0	4	0,4	1	0,2	–	–
Коленная чашечка	12	0,2	1	0,1	1	0,2	1	0,1
Метаподии	250	3,6	73	6,7	31	6,4	74	5,3
Пясть	245	3,5	–	–	–	–	–	–
Плюсна	397	5,7	–	–	–	–	–	–
Пяточная	107	1,5	9	0,9	4	0,8	14	1
Таранная	124	1,8	16	1,6	12	2,5	9	0,6
Запястье, предплюсна	124	1,8	16	1,1	11	2,2	13	0,9
Фаланга 1	144	2,1	11	0,6	5	1	19	1,4
Фаланга 2	64	0,9	9	0,5	5	1	5	0,4
Фаланга 3	9	0,1	9	0,5	4	0,8	2	0,1
Фаланга дополнительная	13	0,2	–	–	–	–	–	–
Передняя лапа	–	–	–	–	–	–	21	1,5
Задняя лапа	–	–	–	–	–	–	35	2,5

в возрасте до 2 лет, такая избирательность вряд ли возможна при охоте на дикого оленя.

Большинство костей северного оленя сильно раздроблены, целые составляют не более 7 %, это преимущественно мелкие кости нижних частей конечностей и изолированные зубы. Такая картина характерна для кухонных отходов. Из всех трубчатых костей, нижних челюстей, большинства фаланг доставался костный мозг. Следы орудий на костях позволяют в общих чер-

тах реконструировать приемы разделки туш. Дистальные части ног отрезали в скакательном и запястном суставах. Конечности обычно разрубались в коленном и тазобедренном, плечевом и локтевом суставах. В последнем расчленение производилось следующим образом: диафиз плечевой кости разбивался около нижнего конца (рис. 6, 15–18), а лучевой – около верхнего. После этого иногда сустав разрубали вдоль. Судя по следам на первом и втором шейных позвонках

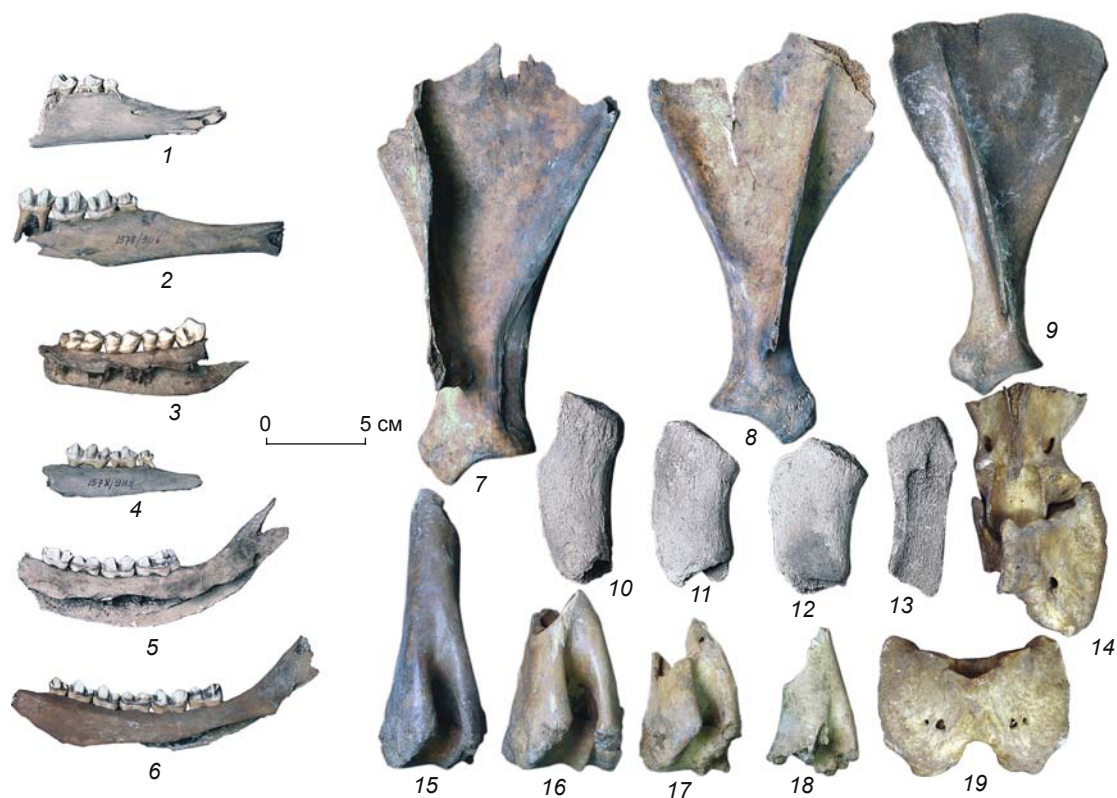


Рис. 6. Костные остатки северного оленя (*Rangifer tarandus*).

1–6 – нижние челюсти (1, 4 – молодых животных); 7–9 – лопатки (9 – молодой особи); 10–13 – заготовки изделий из рогов северного оленя; 14 – атлант и эпистрофей; 15–18 – фрагменты плечевой кости (18 – нижний эпифиз погрызен собаками); 19 – первый шейный позвонок (атлант).

(рис. 6, 14), голова отрубалась по эпистрофею или отрезалась от атланта. После этого шея разрубалась вдоль. Позвоночник разрезали или разрубали на части, таз отрубали от крестца. Отрубленные от позвонков ребра разрубались на две-три части.

На 11 костях северного оленя имеются следы от бронебойных наконечников стрел (см. рис. 5, 1–8, 10, 11). Представлены различные части скелета – череп, рога, локтевая, тазовая, таранная кости, ребро. Не совсем понятно происхождение такого отверстия на внутренней суставной поверхности таза (см. рис. 5, 1), поскольку в теле животного она закрыта головкой бедра.

Остатки шкур оленя обнаружены в разных частях городка, кроме того, довольно много клочков шерсти встречается почти во всех образцах культурного слоя. Интересно наличие среди этих остатков фрагментов летнего меха, т. е. использовались шкуры животных, забитых летом.

Лось (*Alces alces*). Практически все его кости сосредоточены в более поздних слоях городка. Представлены все элементы скелета (см. табл. 2). Три кости погрызены. В посадочной части обнаружен обработанный фрагмент рога. Одна кость принадлежала молодому животному.

Песец (*Alopex lagopus*). Это третий по количеству остатков вид (см. табл. 1). Они составляют 9 % от общего числа костей млекопитающих. Исходя из количества нижних челюстей, можно предположить, что сохранились остатки не менее 110 особей. Представлены все элементы скелета (см. табл. 3), но преобладают черепа и нижние челюсти. Интересно, что наибольшее количество последних сосредоточено в посадочной части городка, а большинство фрагментов черепов – в постройке 1 оборонительно-жилого комплекса и рядом с ней. Судя по соотношению элементов скелета, лишь треть песцовых тушек попадала в городок. В северном углу постройки 1 в слое середины XVII в. обнаружено скопление костей песца, составляющее 39 % от общего их числа на памятнике. Здесь сосредоточено большое количество элементов осевого скелета (позвонков и ребер), а также остатки четырех передних и двух задних лап с шерстью. Возможно, было запасено несколько целых тушек. Кости песца слабо раздроблены (за исключением черепов), лишь 13 экз. имеют следы погрызов, 3 – признаки переваривания. Можно сказать, что эти животные, как правило, не использовались в пищу. Из шести таранных костей песца изготовлены подвески. Лишь три кости принадлежат полувзрослым животным, остальные – вполне

взрослым. В данном районе песок не норится, а бывает только зимой, мигрируя из тундровой зоны [Штро, 1997]. Все это говорит о том, что его промысел осуществлялся преимущественно в зимнее время.

Лисица (*Vulpes vulpes*). Костей очень мало, половина из них сосредоточена в постройке 1 (см. табл. 1). Представлены почти все отделы скелета (см. табл. 2). В посадской части обнаружены три кости ноги молодого животного. В постройке 1 найдены подвески, изготовленные из нижней челюсти, клыка и таранной кости лисицы. Вероятно, в небольшом количестве лисиц добывали в окрестностях городка.

Волк (*Canis lupus*). Количество костных остатков невелико, и почти все они происходят из посадской части городка (см. табл. 1). Представлены кости головы и ног (см. табл. 2). Сохранилось несколько костей задней лапы молодого волка, добытого, вероятно, в конце лета – начале осени. Кроме того, обнаружены нижняя челюсть и эпистрофей также молодого животного, но нельзя точно сказать, принадлежат ли они той же особи. Шесть костей волка погрызены. Волк является постоянным обитателем лесотундровой зоны. Количество животных этого вида изменяется в зависимости от численности северного оленя.

Медведь бурый (*Ursus arctos*). Этот вид представлен единственной находкой – лопаткой молодого животного (рис. 7, 2).

Росомаха (*Gulo gulo*). Ее костные остатки обнаружены в обеих частях городка (см. табл. 1). Среди находок есть элементы всех отделов скелета (см. табл. 2), но преобладают кости головы. Обнаружены семь практически целых черепов, у двух из них пробита мозговая коробка, вероятно, в ритуальных целях. Пол-

ностью отсутствуют фаланги пальцев. В постройке 7 найдено несколько костей ног. Судя по тому, что метаподии были разрублены пополам, фаланги остались на шкуре. Все костные остатки принадлежат взрослым особям. Почти все кости целые. Найдены три подвески, изготовленные из таранных костей. Росомаха – постоянный обитатель лесотундры с относительно невысокой численностью.

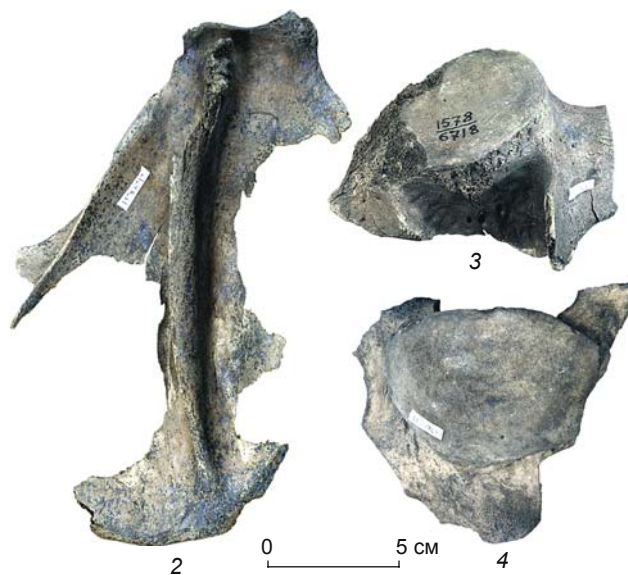
Соболь (*Martes zibellina*). Этот вид представлен единичными находками (см. табл. 1), происходящими из посадской части городка. Среди них имеются элементы головы и верхних частей ног (см. табл. 2). Кости, за исключением черепа, целые. Все принадлежат взрослым животным. Из нижней челюсти изготовлена подвеска. Небольшое количество остатков этого вида, возможно, связано с его малой численностью в природе в период функционирования городка.

Горноста́й (*Mustela erminea*). Все костные остатки, за исключением одного черепа, найдены на территории оборонительно-жилого комплекса (см. табл. 1). В постройке 1 обнаружены целый череп и часть скелета одной особи, в постройке 3 – два черепа и нижняя челюсть от одного из них. Горноста́й обитал в лесотундре круглый год, но добыча производилась поздней осенью или зимой, после того как он вылиняет.

Заяц-беляк (*Lepus timidus*). Кости животных этого вида составляют 12,5 % от общего количества костных остатков млекопитающих (см. табл. 1) и принадлежат, как минимум, 56 особям. Они встречаются на всей территории городка. Представлены все элементы скелета (см. табл. 3). Надо отметить наиболее многочисленное скопление костей зайца в северном углу постройки 1 в слоях середины – конца XVII в., где



1



2

3

4

Рис. 7. Костные остатки млекопитающих.

1 – нижняя часть задней лапы зайца с шерстью в культурном слое постройки 1; 2 – лопатка бурого медведя; 3 – фрагмент позвонка белухи; 4 – часть затылочного мыщелка белухи.

помимо других элементов скелета найдены остатки 54 нижних частей передних и задних лап с шерстью (рис. 7, 1). Здесь же обнаружено наибольшее количество остатков черепов.

Раздробленность костей зайца незначительная. Наиболее раздроблены черепа и трубчатые кости ног, особенно бедренные и большеберцовые. Кости черепа наиболее хрупкие и ломаются при попадании в слой. Задние лапы зайца – это самые мясные части тушки, их кости, вероятно, разгрызали, чтобы съесть костный мозг. Судя по составу элементов скелета и характеру раздробленности, тушки добытых зайцев целиком приносили на поселение и употребляли в пищу.

Большая часть костных остатков принадлежит взрослым особям. Доля костей молодых животных колеблется от 20 до 28 % для разных элементов скелета. Это говорит о том, что промысел зайца велся и в теплое время года – в конце лета и осенью, когда подрастают сеголетки. Численность данного вида в районе памятника весьма значительна, т.к. обширные поймы Полуя и Оби являются оптимальными биотопами для него. В зимнее время она могла возрастать за счет мигрантов с севера. Промысел зайца наиболее эффективен зимой, когда зверь набивает тропы в снегу, на которых ставят петли [Корытин, Головатин, 2002].

Бобр (*Castor fiber*). Костных остатков обнаружено немного (см. табл. 1). Сохранились в основном кости головы и верхних частей конечностей (см. табл. 2). Практически отсутствуют кости нижних частей лап, за исключением 11 таранных, из которых изготовлены подвески. Шесть костей бобра

принадлежат молодым животным, добытым в конце лета – начале осени.

Белка обыкновенная (*Sciurus vulgaris*). На территории посадка обнаружены нижняя челюсть и бедренная кость.

Нерпа кольчатая (*Phoca hispida*). Она представлена целой плечевой костью молодого животного, обнаруженной в верхних слоях в постройке 1.

Кит-белуха (*Delphinapterus leucas*). Найдены фрагменты черепа (часть затылочного мышцелка), ребра и тел двух позвонков (рис. 7, 3, 4).

Морж (*Odobenus rosmarus*). Один зуб моржа обнаружен в постройке 1 оборонительно-жилого комплекса. Он довольно сильно стерт. В постройке 7 посадка найден подобный зуб, а также обработанный фрагмент бивня.

Гренландский кит (*Balaena mysticetus*). Этот вид представлен фрагментами позвоночных дисков. Все принадлежат молодым особям. Два диска из постройки 1 имели следы обработки. Подобные находки есть в коллекции из Надымского городища и Мангазеи [Кардаш, 2009, с. 165].

Птицы. Птичьих костей относительно немного – 7 % (1 000 экз.) от общего числа костных остатков, из них 596 экз. были определены. Представлены 22 вида, обитающие на этой территории. Среди определяемых остатков преобладают кости белой куропатки (*Lagopus lagopus*), они составляют 69 % (413 экз.). Этот вид весьма многочислен в лесотундровой зоне, особенно в поймах рек, в т.ч. и р. Полуя. Здесь он концентрируется главным образом в зимнее время [Бойков, 1981]. Про-

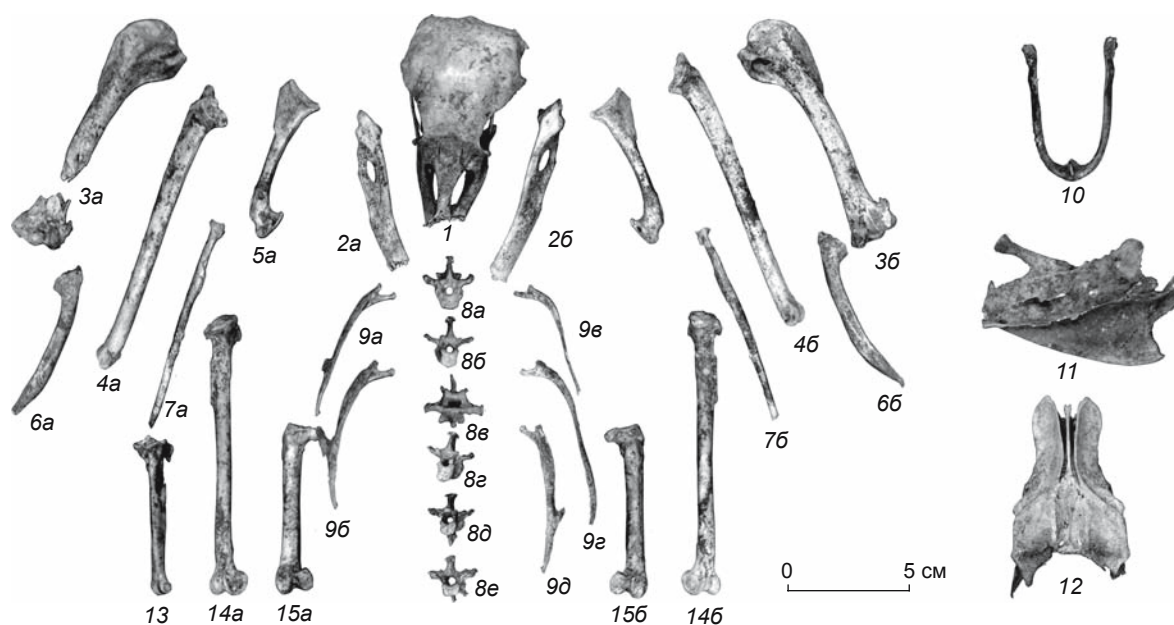


Рис. 8. Кости ворона (*Corvus corax*) из постройки 1.

1 – череп; 2 – нижние челюсти; 3 – плечевые кости; 4 – локтевые; 5 – коракоиды; 6 – лопатки; 7 – лучевые кости; 8 – позвонки; 9 – ребра; 10 – ключица; 11 – киль; 12 – сложный таз; 13 – цевка; 14 – большеберцовые кости; 15 – бедренные.

мысел куропатки наиболее эффективен зимой и весной. Но, несмотря на преобладание ее костей в коллекции, мы не можем говорить о значимом зимнем промысле этого вида. Если сравнить с количеством добывавшейся куропатки в Надымском городке, аборигенном поселении, активно функционировавшем зимой, то здешний промысел составит не более 6 % от него. Добывались также глухарь (*Tetrao uragalus*), различные виды уток и гусей. Кости водоплавающих (преимущественно гусей) немногочисленны и составляют 17 % (98 экз.) от общего числа определимых остатков. Это сейчас трудно объяснить, т.к. данный район находится на центральном пути весенней и осенней миграции водоплавающих [Брауде, 1992].

Из видов птиц, не употребляемых в пищу, представлены орел (*Aquila* sp.), белая сова (*Nyctea scandiaca*), ворон (*Corvus corax*), ворона серая (*Corvus cornix*), сойка (*Pica pica*), чайка (*Larus argentatus*). Мы предполагаем, что некоторых из них использовали в культовой практике. Наибольший интерес в этой связи представляют почти полный комплект костей ворона, расположенных в анатомическом порядке, из постройки 1 оборонительно-жилого комплекса (рис. 8) и части воронового скелета из посадской постройки 7. Мы склонны интерпретировать их как ритуальные захоронения.

Кости домашней курицы (*Gallus gallus*), обнаруженные в верхних горизонтах, возможно, попали из слоев, связанных с функционированием села Обдорского.

Рыбы. Рыбные кости составляют 14 % (1 698 экз.) от общего числа костных остатков. Наибольшее их количество найдено в посадской части городка (см. табл. 1). Кроме того, скопления мелких костей и чешуи обнаружены почти во всех образцах культурного слоя. Определены 548 костей рыб 11 видов: 244 – налима (*Lota lota*), 208 – рыб семейства сиговых (*Coregonus* sp.), 32 – нельмы (*Stenodus leucichthys nelma*), 28 – осетра сибирского (*Acipenser baeri*), 26 – щуки (*Esox lucius*), 5 – окуня (*Perca fluviatilis*), 3 – язя (*Leuciscus idus*), по одной кости стерляди (*Acipenser ruthenus*) и ерша (*Acerina cernua*). Наличие в образцах культурного слоя, содержащих значительное количество чешуи и мелких костей рыб, многочисленных пупарий мух говорит о том, что активный лов и обработка рыбы производились в летнее время.

Завершая описание, отметим, что видовой состав костных остатков, данные о их форме и утилизации, а также об экологии и биологии видов будут проанализированы в контексте планировочной структуры Полуйского мысового городка.

Выводы

В результате археозоологических исследований Полуйского мысового городка было установлено, что

местным населением велся промысел зверя, птицы и рыбы. Из млекопитающих наиболее активно добывались северный олень, заяц и песец, в небольшом количестве – лось, бобр, лисица, соболь, горностай, крайне редко – медведь, волк, россомаха, белка, кит, морж, нерпа. Из птиц охотились преимущественно на белую куропатку, а также на уток и гусей. Среди рыб промысловыми были налим и представители семейства сиговых. Домашние животные представлены такими видами, как северный олень, собака, свинья, крупный и мелкий рогатый скот, курица.

Анализ полученных данных указывает на очень сходное природное окружение городка в период его функционирования и в настоящее время. Различие в фауне заключается только в том, что к концу XVIII в. соболя и бобра здесь полностью истребили [Кириков, 1960].

В традиционной культуре бытовые и хозяйственные аспекты тесно связаны. Образ жизни коренного населения региона, и Полуйского городка в частности, был обусловлен экологией основных промысловых видов животных, большая часть которых совершает массовые сезонные миграции. С этим, как правило, связана и сезонность функционирования поселений на севере. На основании экологии основных промысловых видов, представленных в материалах раскопок, можно сказать, что промысел здесь велся как в холодное, так и в теплое время года. Вероятнее всего, Полуйский мысовой городок использовался не постоянно, а с определенной периодичностью, причем существовали периоды как практически полного, так и частичного отсутствия в нем жителей. Большая часть посадского населения на летний период покидала городок. В нем оставалась княжеская семья с небольшой охраной [Кардаш, 2013]. Кроме исторических источников, в пользу этого свидетельствует периодичность забоев северного оленя, который был основным источником питания жителей городка. К примеру, почти все челюсти оленей, убитых летом, найдены на территории оборонительно-жилого комплекса [Бачура, 2013].

Немногочисленные костные остатки домашних копытных (коровы, свиньи, овцы) свидетельствуют не о содержании этих животных жителями городка, а скорее о связях местного населения с русскими, которые активно прибывали на север Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII в. и разводили скот [Бачура, Лобанова, Бобковская, 2011]. Единственным домашним видом копытных у жителей городка мог быть северный олень. Наличие в археологической коллекции деталей косокопильных нарт тундрового типа (оленьих) и упряжи говорит об использовании оленьих упряжек и, вероятно, о существовании транспортного оленеводства. По археозоологическим данным сложно судить о степени его развития. Вероятно, оседлое

население городка не занималось разведением северного оленя, требующим постоянных кочевков. Возможно, семья вождя имела домашних оленей, которых пасли специальные люди. В бытовой практике коренного населения олени туши использовались полностью (мясо, шкура, рога, кости, сухожилия) [Историческая экология..., 2013, с. 155]. Судя по тому, что на памятнике встречаются все элементы скелета северного оленя, а также фрагменты шкур и рогов, в городок попадали целые туши, и их разделка и утилизация производились на поселении. Но преобладание костей верхних частей ног и небольшое количество остатков осевого скелета (ребер и позвонков) говорит о том, что чаще это были только мясные части туши, вероятно, домашнего северного оленя, которые община поставляла княжеской семье.

В городке содержали и разводили собак. По костным остаткам явно прослеживаются две размерные группы – довольно рослые, крупные особи, возможно использовавшиеся как ездовые, и мелкие, по размерам близкие к оленегонным лайкам. Вот как описаны подобные породные группы О. Финшем и А. Бремом в XIX в.: «Кроме ездовых собак, держат еще, впрочем, только ниже Березова, маленьких собак, единственно из-за длинной, мягкой, белой или черной шерсти, весьма употребительной здесь для опушки мужского и женского платья. Самых красивых собак этой породы видел я у князя Обдорского в Канязь-Юрте» [Путешествие..., 1882, с. 334]. Существование транспортного собаководства подтверждается и присутствием на памятнике фрагментов косокопильных нарт тяжелого варианта (собачьих). Разведение собак мелкого размера, предположительно оленегонных лаек, косвенно свидетельствует о наличии оленеводства. В целом мы можем говорить об относительно развитом транспортном оленеводстве и собаководстве для удовлетворения нужд жителей городка.

Основой экономики являлась промысловая деятельность. Ведущим промысловым видом был, вероятно, северный олень. Сейчас оценить соотношение костей его дикой и домашней форм можно только по косвенным данным. Кости со следами бронебойных наконечников стрел свидетельствуют о существовании индивидуальных способов охоты на дикого северного оленя (охота с оленем-маншиком, преследование на оленьей упряжке и др.) [Историческая экология..., 2013, с. 287]. Но ничтожно малое количество таких наконечников, а также других охотничьих орудий в археологической коллекции говорит о том, что, возможно, основной промысел осуществлялся общинниками. Использовались коллективные загонные способы охоты во время массовых миграций оленя весной (из лесотундры и северных районов тайги в тундру для отела и откорма) и осенью (обратно в лесотундру и северную тайгу для зимовки) [Там же].

Единичные кости лося найдены в основном в верхних горизонтах, и, вероятно, большинство из них относится к концу XVII – началу XVIII в. Численность лося была невысокой в то время, и специальной охоты на него не велось [Косинцев, 2006, с. 69–71]. Среди диких видов млекопитающих, помимо северного оленя, наибольшее количество костных остатков принадлежит зайцу-беляку. Его мясо служило дополнительным источником белка, но говорить о сколько-нибудь значительном промысле зайца можно лишь в период середины – конца XVII в.

Охота на птиц практиковалась, но, судя по относительно небольшому количеству их костей, не играла большой роли в жизнеобеспечении населения городка. Основным промысловым видом была белая куропатка, на которую охотились зимой. Небольшое количество добывавшейся в весенне-летнее время водоплавающей птицы (гусей и уток), на наш взгляд, может объясняться откочевкой части местного населения летом в тундру вслед за северным оленем.

Рыболовство играло заметную роль в жизнеобеспечении жителей Полуйского мысового городка. Рыба служила дополнительным источником пищи и основным кормом для собак. Как отмечал А.В. Головнёв, содержание ездовых собак было целесообразно исключительно в районах интенсивного рыболовства [1993, с. 110]. В археологической коллекции довольно много орудий как для летнего, так и для зимнего лова рыбы. Природные условия района позволяют заниматься рыболовством с марта–апреля по январь. Только в конце зимы – начале весны рыба отсутствует из-за замора. Количество остатков рыбы, возможно, занижено, поскольку мелкие кости зачастую не выбираются из культурного слоя [Некрасов, Косинцев, 2011]. Кроме того, большую ее часть собаки съедали полностью, без остатка, и в слой попадало очень мало отходов.

Пушная, товарная охота, главным образом на песца, играла небольшую роль в структуре промысла. Пик ее пришелся на середину – конец XVII в. На долю пушных видов (не учитывая зайца) в этот период приходится 10 % костных остатков млекопитающих, из них 9 % составляют кости песца, тогда как в Надымском городке – соответственно 24 и 19,5 %. Судя по большому количеству костных остатков посткраниального скелета песца, промысел производился недалеко от поселения и часть тушек приносили в городок. Их, возможно, использовали в пищу и/или запасали на случай голода. Часть добытых зверей, вероятно, съедали или скармливали собакам на месте промысла, забирая только головы и шкуру. Головы и иногда нижние части лап песца сохранялись. Специализированной охоты на других пушных зверей не велось. Лисица, соболь, горностай, бобр, белка добывались, вероятно, попутно.

Говоря о морских млекопитающих, представленных на памятнике единичными находками, следует отметить, что нерпа могла самостоятельно подниматься из губы до городка по р. Оби. Кости кита, моржа и белухи могли быть доставлены только с побережья Карского моря или Обской губы, но никакой целенаправленной охоты жителями городка на эти виды не велось.

Кости северного оленя составляют более половины всех костных остатков на памятнике. Учитывая массу тела животного, можно сказать, что основой питания населения городка было оленье мясо. Дополнением к рациону служило мясо зайца, птицы и рыбы. Заяц и белая куропатка добывались преимущественно осенью и зимой, во время массовых миграций этих видов в лесотундру. Но, судя по относительно небольшому количеству их костей в коллекции, можно говорить о том, что население не испытывало острой нужды в дополнительных источниках пищи или в зимнее время городок частично пустовал. Летом жители ели, вероятно, много рыбы, дополнением служило мясо водоплавающих птиц и бобра.

Кости северного оленя использовали для изготовления различных изделий, 259 экз. несут следы обработки. Обработана большая часть рогов, реже встречаются лопатки, метаподии, ребра и диафизы трубчатых костей. Шкуры оленя использовались как для пошива одежды и обуви, так и в качестве постели. Украшавшие одежду подвески изготавливали также из таранных костей, клыков, нижних челюстей росомахи, лисицы, песца, соболя и таранных костей бобра и зайца.

На памятнике много свидетельств осуществления различной ритуальной деятельности. Судя по относительно большому количеству остатков черепов с рогами северного оленя, в городке проводились обряды жертвоприношения. В них использовали также собак, захоронения которых обнаружены у стен посадских построек. Эта традиция, известная по этнографическим источникам, бытовала у северных хантов в конце XVI – XVIII в. [Перевалова, 2004, с. 289–293]. Ритуальный характер, несомненно, носят и захоронения таких птиц, как ворон и орел. Подобные находки известны и на других памятниках севера Западной Сибири [Пантелеев, Потапова, 2000; Некрасов, 2003; Кардаш, 2009, с. 349].

В ритуальной практике использовались, вероятно, и добываемые в небольшом количестве росомаха, волк и медведь. Единичность костей медведя можно объяснить двумя причинами: во-первых, малочисленностью вида в природе, т.к. это северный край его ареала; во-вторых, особым отношением к медведю коренного населения севера Западной Сибири. Последнее неоднократно отмечалось в этнографической литературе [Головнёв, 1995; Медведь..., 2000]. Что касается росомахи, то, как известно, ее шкура широко исполь-

зовалась для отделки ритуальной одежды [Северо-Западная Сибирь..., 2006, с. 333–337]. Наличие черепов этого животного со вскрытой мозговой коробкой, фрагментов лап, а также изделий из таранных костей и клыков росомахи и волка указывает на использование их в обрядах.

Интересно большое скопление заячьих и песцовых лап и черепов в постройке 1. Подобные находки отмечались нами при раскопках Надымского городка. Известно, что заячьи шкурки продавались без лап [Дунин-Горкавич, 1995, с. 160–164]. Возможно, лапы и черепа хранились в ритуальных целях, для обеспечения успешного промысла [Ивасько, Лобанова, 2003].

В результате анализа археозоологической коллекции была проведена реконструкция хозяйственной, бытовой и ритуальной деятельности жителей Полуийского мысового городка XVI – первой трети XVIII в., являвшегося резиденцией Обдорских князей. Эти данные могут служить сравнительной базой для изучения и этнической идентификации подобных памятников в регионе, а также источником для дальнейших исследований проблем адаптации человека к условиям севера.

Список литературы

- Акаевский А.И.** Анатомия северного оленя. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 327 с.
- Бачура О.П.** Определение сезона смерти и возраста особей северного оленя по спилам зубов из раскопок Полуийского мысового городка (2004–2005 гг.) / Кардаш О.В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – С. 362–365.
- Бачура О.П., Лобанова Т.В., Бобковская Н.Е.** Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии / под ред. Л.В. Татауровой. – Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. – С. 271–275.
- Бойков В.Н.** Видовой состав и распределение млекопитающих и птиц в биотопах лесотундрового Приобья // Численность и распределение наземных позвоночных Ямала и прилегающих территорий // отв. ред. Л. Добринский, В. Солин. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1981. – С. 38–62.
- Брауде М.И.** Экология водоплавающих птиц, охрана и рациональное использование их ресурсов // Природа поймы нижней Оби: Наземные экосистемы. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С.153–173.
- Головнёв А.В.** Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1993. – 204 с.
- Головнёв А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Дунин-Горкавич А.А.** Тобольский Север. – М.: Либерия, 1995. – Т. 1. – 376 с.
- Ивасько Л.В., Лобанова Т.В.** Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным

комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры: мат-лы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 69–71.

Историческая экология населения севера Западной Сибири / под общ. ред. П.А. Косинцева. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во Ассоциации малого бизнеса, 2013. – 376 с.: ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 4).

Кардаш О.В. Влияние русской культуры на местное население Северо-Западной Сибири в XVII–XVIII вв. (по материалам Надымского и Обдорского городков) // Урал в зеркале тысячелетий. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 127–142. – (Очерки истории Урала; вып. 50).

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 380 с. – (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура).

Кардаш О.В., Лобанова Т.В. Опыт реконструкции хозяйства населения городища Бухта Находка XIV–XV вв. (по материалам археозоологических исследований) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда (Суздаль, 20–25 октября 2008 г.). – М., 2008. – Т. III. – С. 360–363.

Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР: лесная зона и лесотундра. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 156 с.

Корытин Н.С., Головатин М.Г. Птицы и млекопитающие Березовского района // Экологические проблемы индустрии туризма на Приполярном Урале / под ред. Л.Н. Добринского. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 94–101.

Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири: Источники. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 272 с.

Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в архео-

логических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2005. – С. 105–112.

Лобанова Т.В. Анализ остеологического материала из раскопок Усть-Войкарского городища // Угры: мат-лы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 110–112.

Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 104 с.

Некрасов А.Е. Костные остатки птиц из голоценовых местонахождений Урала и Западной Сибири // Четвертичная палеозоология на Урале. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. – С. 158–170.

Некрасов А.Е., Косинцев П.А. Остатки рыб из археологического памятника Усть-Полуй // Экология древних и традиционных сообществ: докл. конф. – Тюмень, 2011. – Вып. 4. – С. 201–204.

Пантелеев А.В., Потапова О.Р. Позднеголоценовые птицы из археологической стоянки окрестностей г. Салехарда (север Западной Сибири) // Рус. орнитол. журн. – 2000. – № 106. – С. 3–31.

Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2004. – 414 с.

Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. – М.: [Тип. М.Н. Лаврова и К^о], 1882. – 578 с.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А.Х. Элерта. – Екатеринбург: Волот, 2006. – 416 с.: ил.

Штро В.Г. Экология песца (*Alopex lagopus* L., 1758) Ямала // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. – Челябинск: Рифей, 1997. – С. 16–30.

Материал поступил в редколлегию 27.02.14 г.